

ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ

(Окончание. Начало на 8—9-й стр.).

ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах».

Красная Армия в те дни еще не родилась, но Красная гвардия уже выиграла первое полевое сражение у регулярных частей.

ВОЗЛЕ памятника защитникам Ленинграда на Пулковских высотах стоят два танка. Такие танки мне знакомы с детства. Когда я увидел их, то сразу вспомнил Челябинск в начале зимы сорок первого года. Моя мать работала в ту зиму на Челябинском тракторном, который с полным правом можно было называть еще и Кировским заводом. Тогда в Челябинске было много путиловцев, которых успели вывезти из Ленинграда на самолетах.

Помню маленькую, как каюта, комнату. Помню коптилку, сделанную из алюминиевого стакана. Помню круглый черный репродуктор, который не выключали даже

на ночь. Помню, что мать уходила на работу до рассвета, а возвращалась поздно вечером. Работала она в отделе холодной штамповки металлолов. Она, видимо, очень уставала, и после работы ее хватало лишь на то, чтобы посмотреть мои тетрадки.

По вечерам в ожидании матери я чаще всего сидел один и при неверном свете коптилки мысленно сочинял всякие невероятные истории, чаще всего на военные сюжеты, как я их тогда мог себе представить.

И каждый вечер в тишину комнаты вдруг проникал из-за морозных окон тяжелый и ровный гул. Тогда я набрасывал пальто, нахлобучивал ушанку и выбегал на улицу. Мимо дома, по главной улице Челябинска, взрывая тучи снега, проходили танки. Мне всегда было весело смотреть на эти быстро идущие мимо меня машины и как они заворачивали в боковую улицу, при тормаживая одной гусеницей. С этими танками были связаны мои самые большие тогдашние мечты: вернуться в Москву и увидеть отца.

Однажды мать принесла номер заводской многотиражки, где хвалили ее отдел. Я ответил, что наш класс тоже хвалили за сбор металлолома.

— Молодец, — сказала мать и улыбу-

лась. (Она редко улыбалась в ту зиму), — значит, ты тоже путиловец.

Странно, мне тогда уже был понятен смысл этого слова. Впрочем, в те годы я, как и все мои сверстники, многое узнавал слишком рано.

Перед знакомым танком, стоящим на Пулковских высотах, я снова вспомнил челябинскую зиму и подумал, что и моя судьба, и моя жизнь, хотя, конечно, косвенно, а все-таки связана с этими невысокими холмами под Ленинградом.

НА СЕВЕРНОМ склоне Пулковских высот, в нескольких шагах от дороги, обозначающей Пулковский меридиан, есть скромное солдатское кладбище. Здесь нет ни Вечного огня, ни монументальных скульптур. Но забывая рука каждый день убирает дорожки между рядами одинаковых надгробий. Там много имен и много русских фамилий. А есть и такие надписи: «Воину Советской Армии, погибшему в борьбе с фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». И все. Таких могил тоже много. Но одна надпись взволновала меня совершенно неожиданно. Там сказано так: «Артист балета, поэт и воин 296-го стрелкового полка, защищая Ленинград, погиб в бою 21.III.1942 года». Ниже фотография: чистое юношеское лицо, чуть при-

пухлые, по-детски губы. Еще ниже: «Игорь Петрович Васильев».

Меня потрясли эти слова, стоящие рядом, — артист балета, поэт и воин. Есть много эпиграфов трагических и трогательных, торжественных и простых, но эти слова вызвали у меня совершенно особые чувства. Первые два слова, первые два понятия никак не вязались с третьим. Изящное, утонченное искусство балета, стройные строфы стихов, а рядом — пот, кровь, гарь войны. Изящные па «Лебединого озера» и мерзлая земля, которую надо долбить саперной лопаткой, а потом отрываться от нее и идти под пули.

Впрочем, когда в России начинали говорить пушки, музы никогда не смолкали. Чаще всего они надевали солдатские шинели. И уж во всяком случае в ратные годы они жили ратными помыслами. Поэзия становилась оружием. Что касается пушек, то опять же у нас они брали под защиту не только нашу землю, но и нашу культуру. Мне рассказывали, что во время первого исполнения Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича вся артиллерия осажденного города вела огонь по гитлеровским позициям, чтобы фашисты не смогли сорвать концерт.

А через 25 лет, минувшей зимой, в концертном зале «Октябрьский» Майя Пли-

сецкая танцевала в «Кармен-сюите». Мороз был лютый, но у подъезда зала стояла толпа претендентов на лишний билетик. Я был захвачен глубокой человеческой драмой, которая так выразительно передана движением и жестами. Это был счастливый вечер, но он никогда не выпал бы на мою долю, не будь Пулковских высот.

ИЗ ЛЕНИНГРАДА в Пулково я ехал на автобусе. Когда остановились у обсерватории, водитель сказал: «Следующая — Ленинградский рубеж обороны. Остановка по требованию».

Сначала меня резанули слова водителя. В этой необязательности остановки я в первый момент усмотрел некоторое равнодушие к тем, кому поставлен памятник. Но тут же пришла другая, более верная мысль. Собственно, так и должно быть. Я должен, я обязан потребовать этой остановки. Не просто сойти, а именно потребовать. Это не мелочь. Это проявление гражданского чувства. История твоей страны требует твоего личного, твоего собственного сопереживания...

...Я нажал кнопку звонка: автобус затормозил.

Д. КАЗУТИН,
спец. корр. «Неделя».

ПУЛКОВО — ЛЕНИНГРАД — МОСКВА.